

УДК 81'42

*М.Л. Васильева***К ПАРАМЕТРАМ ОПИСАНИЯ ДИСКУРСА ИЗВИНЕНИЯ**

В статье рассматривается проблема конститутивных признаков коммуникативной ситуации извинения. Обсуждаются общеметодологические и лингвистические признаки межличностного и публичного извинения, выделенные в современной отечественной монографической литературе. Дается критический анализ рационализации извинения в рамках следующих основных подходов: респонсивного дискурсивного моделирования; речежанрового моделирования; интерактивного моделирования; комплексного алгоритмового моделирования; модельной речеактовой репрезентации; контекстного восприятия; лингвокультурной речэтикетной реализации; социально-типологической реализации.

Ключевые слова: вежливость, дискурс, извинение, интерактивность, коммуникативная ситуация, культура, моделирование, прагматика, речевые акты, этикет.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1037-1048

Исследованию явления извинения (далее – И) дало мощный толчок появление книги Р. Ратмайр о прагматике И [30]. Идеи Р. Ратмайр основаны на взглядах Дж. Серля о природе речевых актов; их также можно, как мы полагаем, возвести к концепции М. Даскала [48] о социо-прагматическом аспекте рассмотрения речевых явлений. Основные положения подхода Р. Ратмайр, давшие методологическую пищу широкому изучению И в отечественной литературе (см. о них ниже), можно свести к следующим.

1. И как разновидность директивных речевых актов-реквестивов, требующих диалогического единства в коммуникативной ситуации и обращенных к другим лицам. Эта идея воплотилась в изучение не коллаборативного, а эмитентного локутивно-ориентированного аспекта речевого акта, в связи с чем в некоторых подходах И трактуется уже как экспрессив, например, в подходе Дж. Лича [50].

2. Перлокутивная эффективность И определяется мерой убедительности локутивного аспекта И. Неверно выбранная тональность или подбор слов и конструкций могут усилить или, наоборот, ослабить речевоздействующий результат, иногда в значительной мере.

3. Эмитентный аспект прагматики (прагматика говорящего) задает ряд условий удачи (*felicity conditions*, согласно американской лингво-прагматической терминосистеме), которые составляют отдельный, если не решающий пласт всех условий успешности диалогического коммуникативного события.

Книга Р. Ратмайр помимо собственно исследовательских оригинальных достижений вбирает в себя ряд идей, сформулированных в науке на рубеже XX и XXI вв. При этом современные собственно лингвистические исследования по проблеме И, не охарактеризованные специально у Р. Ратмайр, могут прямо или косвенно наследовать идеи, высказанные учеными, занимавшимися более общими вопросами – что отвечает общему принципу научной парадигмальности (см., например: [4]). Дальнейшее наше изложение будет касаться рассмотрения сначала работ, не посвященных специально изучению И, а затем – подходов, в которых И является предметом изучения в самых разнообразных ракурсах.

В качестве не-основного предмета исследования И в лингвистической диссертационной монографической литературе трактуется в нескольких основных ракурсах, которые по признаку вхождения в подход научного рассмотрения можно разделить на следующие: (1) как категория речевого этикета; (2) как элемент организационной структуры дискурса. При этом важно отметить возможность вхождения конкретной концепции одновременно более чем в один ракурс, поскольку эти ракурсы представляют собою не онтологические сущности, а осмысление единой коммуникативной действительности, лишь рассматриваемой с разных позиций; иными словами, названные ракурсы не принадлежат к естественным категориям, а являются собой образования метафизического порядка.

Ракурс (1). С точки зрения категориальной принадлежности И примат принадлежит рассмотрению его в рамках речевого этикета: системно-структурному с точки зрения синтаксических манифестаций речевых формул [21] и ракурса категории вежливости в них [10]; прототипному как разновидности микрополя, не имеющего периферийной зоны [38]; речежанровому – как первичного жанра

этикетного общения [23]; интерактивному – как результата взаимодействия с англо-американской этикетной системой [21]; как этикетного речевого акта, предназначенного для поддержания ритуально-этикетных отношений в сфере вежливой коммуникации [45]; как этикетной речеповеденческой тактики «сглаживания» деликта с компонентами «принесение И» и «просьба о прощении» [25], как этикетной тактики позитивной вежливости [37], а в манифестационном плане – как описания фразеологического клише в составе этикетного фрейма «И» [2].

Ракурс (2). В регулятивном *интерактивном* аспекте И рассматривается с точки зрения координации речевых действий коммуникантов [27] и реализации постулата такта/великодушия [44] и с позиций восстановления гармоничных отношений между коммуникантами – [8] и преодоления конфликта [12]. И может рассматриваться как в ритуальном аспекте – как социатив с доминированием в нем интенциональных и реляционных компонентов и отведением на задний план пропозиционального и эмоционального аспектов: [39]. Возможно рассмотрение И в рамках мета-коммуникативного, а по существу, фатического (в частности, стадийного) аспекта диалога: как носителя ингерентной фатической функции с катафорическим дейксисом [16]; как перформативной коллокутивной формулы зачина [28]; в качестве регулятива контактоустановления в начальной стадии общения [34]; как клишированного фрагмента входа в общение [5]; как сигнала-маркера начала/конца диалогической единицы [13]; как регулятора поддержания контакта [24]. Манифестационная составляющая описывается с опорой на модельность события И: как демонстрации партнеру своей нормативности или своего оценочного отношения [20]; как обезличенный и шаблонный текст-формула [15]; как метакоммуникативное клише для реализации Принципа вежливости [36]; с позиций конкретизации степени фатичности и описания соответствующих глагольных средств [14] или просто с точки зрения описания лексико-грамматических характеристик И [31].

В регулятивном *трансмиссионном* аспекте (как часть минимального интеракционного единства) И рассматривается с точки зрения установки говорящего и как вид экспрессива [11; 7; 32]. Другой аспект рассмотрения – трактовка И как компонента структуры речевого акта несогласия/отказа наряду с компонентами формального отрицания и аргументации отказа [29], как сопровождение речевого акта отказа для снятия негативного эмоционального фона [33].

В отечественных лингвистических диссертационных исследованиях, специально посвященных феномену И, господствует событийная его трактовка (по соображениям места мы коснемся лишь работ с 2000 г., располагая их в простом хронологическом порядке).

В подходе С.В. Сковородиной [35] исследование И проводится в рамках речеактовой теории. Акцент делается на изучении природы и специфики ответной реплики, которая расценивается как полнозначный речевой акт, обладающий целью, формой и задающим перлокутивный эффект. Фактор коммуниканта реализуется как на языковом, так и на прагматическом уровне. Языковой позволяет представить речеактово-инвариантные статичные сведения о коммуникантах; он представлен языковыми средствами манифестации речевых актов – формами сказуемого, эпитетов, обращений. Прагматический уровень характеризует одного из партнеров с позиций мотивов, намерений и способов манифестации речевых актов, а второго – с точки зрения восприятия актов и реагирования на них. Прагматический уровень признается в диссертации более существенным, чем языковой – в частности, потому, что является во многом определяющим для выбора и использования собственно языковых средств.

Пафос подхода состоит в том, что лингвопрагматический анализ расценивается в качестве анализа не высказывания, а прагматических факторов ситуации. Языковые и прагматические факторы могут находиться в отношениях корреспондирующих и противительных; последние описываются отдельно и включают нестандартные структуры и окказионализмы. Наличие противительных отношений позволяет автору утверждать, что определяющими для распознавания смысла И являются именно внеязыковые факторы, а потому они должны быть примарными в лингвопрагматическом исследовании. Отсюда вывод о неязыковой сущности феномена перформативности и о несущественности рассуждений о перформативной формуле и о степени ее полноты.

Языковые средства представлены в виде «лингвопрагматического поля» как модели их упорядочивания; в качестве критерия конструирования названного поля выступает понятие интенции. Поле И в качестве ядра содержит языковые экспликативы модусного значения – конструкторы *Verzeich* и *Entschuldigen Sie*. В околоядерный слой попадают экспликативы модуса и диктума – выражение адресата, адресанта и стимула. Периферия состоит из трех слоев; на первом располагаются конструкторы с

полисемией иллокутивных (модусных) значений, на втором – окказиональные языковые экспликативы интенции, на третьем – неязыковые экспликативы модуса и диктума.

Рассмотрена прагматико-логическая типология стимула реактивности в И – сознательные и неосознанные действия; источниками информации о стимуле для художественного текста признаются не только говорящий и адресат, но и автор. Проанализирован фактор коммуникантов, в частности, их коммуникативные типы и коммуникативно-прагматическая характеристика – средства усиления интенции и И и типология реакций на И.

Данный подход ценен тем, что проведенное в нем исследование И осуществлено с помощью одновременного применения нескольких экстралингвистических параметров и установлены характеристики реактивного речевого акта, в т.ч. параметры его формы, реализации и речевоздействующего эффекта. Однако когнитивная – собственно концептная – сущность И, несмотря на заявленность в теме, остается в тени собственно прагматической.

Подход С. Ли [17] предусматривает лингвокультурологическое рассмотрение концепта И с позиций социальных признаков партнеров по общению, этикетного контекста употребления концепта и способов его манифестации.

Изучение И строится путем обращения к четырем основным типам контекстов – к словарному, к художественно-нарративному, к рече-диалоговому и к прямо-речевому, совмещенному с комментарием автора произведения. Эти контексты демонстрируют существо, функциональную направленность, речеактовую природу концепта и его проекцию на категорию вежливости. Нарративный режим рассмотрения концепта, несмотря на его ингерентную имитационность, обладает потенциальной экспликации речевых действий и внутреннего мира говорящего, раскрывая тем самым его лингвокультурную / национальную картину мира.

Концепт И высокочастотен и ориентирован на сохранение лица адресата; его употребление обладает выраженной фатической функцией. Концептуальное поле И содержит конечное множество компонентов, основными из которых являются *вина, прощение, вежливость уважение / воспитанность, долг, благожелание, сохранение лица*.

Изложены типичные манифестации И в нескольких аспектах – в словарном, в речеактовом (в диалоговом взаимодействии), в нарративном (как компонент высказывания автора произведения) и в речеактивно-нарративном (как компонент высказывания персонажа, комментируемого автором-наблюдателем).

Лингвокультурная специфика употребления названного концепта И у русских и у китайцев состоит: (а) в различной частотности употребления И; (б) в имманентности/релятивности степени вежливости; (в) различиях жестового языка).

Рассмотренный подход ценен так называемой экспертной культурной позицией, когда специфичность коммуникативных практик выявляется с большей полнотой при взгляде на них с позиций сторонней культуры.

Исследование Е.В. Артамоновой [3] выполнено в рамках речежанрового (далее – РЖ) подхода. Цель его – предложить РЖ-модель принесения И в опоре на светские и церковные коммуникативные ценности. Этот РЖ противопоставлен информативным относится к разряду фатических и этикетных (по В.В. Дементьеву). Данный РЖ реализуется языковой личностью кооперативно-актуализаторского типа (по К.Ф. Седову).

Характеристика РЖ строится на основе предложенной Т.В. Шмелевой 7-компонентной РЖ-модели, включающей ‘коммуникативную цель’, ‘образ автора’, ‘образ адресата’, ‘коммуникативные факторы прошлого и будущего’, ‘диктумное содержание’, ‘языковое воплощение’ [46]. Е.В. Артамонова добавляет компонент, который можно охарактеризовать как ‘мотив’ – боязнь осуждения. Коммуникативная цель И, в отличие от просьбы о прощении, – это лишь действие, соответствующее социальным ожиданиям окружающих. Образ автора в И – человек, правильно распознающий нормы социума. Образ адресата – человек как исполнитель, при этом, как представляется, составляющая активности а в случае И – не обязательна. Фактор прошлого И – проступок, скорее, его референтное содержание; модусное же содержание, на наш взгляд, сопряжено с фактором будущего; фактор будущего у просьбы о прощении – неперемное ее удовлетворение; у И перлокутивный эффект не обязательно выражен и, как представляется, не связан напрямую с адресатом. Диктум в просьбе о прощении – экспликация и оценка адресантом собственной вины как тяжелой; в принесении И диктум – это во многом этикетный знак, в котором чувства адресанта выражения не получают (в И). По Е.В. Артамоновой, просьба о про-

щении в целом ориентирована на адресата, а И – на самого себя и окружающих; поэтому для И не характерен сопутствующий признак отнесенности события к сфере автора и оценка автором степени тяжести проступка.

Представляется, что предложенная автором трактовка этих РЖ позволяет отнести просьбу о прощении если не информационным, то к «информационно-фатическим» жанрам, а И – к фатическим (если несколько модифицировать таксономию В.В. Дементьева).

Подход Е.А. Плетневой [26] ориентирован на изучение функционирования формул И в разных коммуникативных обстоятельствах коммуникативно-прагматический потенциал речевых актов предстает как моделирующий аспект диссертации, а сам тип формулы явно соотнесен с соответствующим типом у Р. Ратмайр [30].

Формулы И считаются, образованиями как прямого, так и непрямого (не связанного прямо с речевым актом И) характера. Поэтому названные формулы у автора являются собой образования полисемантического или даже омонимического плана и являются средством кодирования: (а) сочувствия, соболезнования, сожаления как установки на референт; (б) переспроса, уточнения сказанного, установления и размыкания речевого контакта, прерывания общения на время, вмешательства в разговор как фатические установки; (в) просьбы, выражения упрека и т.п. как установки на адресата. Собственно И трактуется как социально значимый экспрессив, ориентированный на реализацию социального гомеостаза. К числу предвещающих условий употребления И отнесены нанесение ущерба адресату со стороны говорящего, осознание говорящим своей вины, рефлекслируемый им психологических дискомфорт от этого и стремление восстановить коммуникативную гармонию.

Для британской языковой культуры выделены три разновидности акта И – эмфатическое (Forgive me), официальное (I apologise / (My/Our) Apologies) и фатическое ((I am) sorry – при этом данная формула признается универсальной). На наш взгляд, причисление у Е.А. Плетневой названных формул к речевым (в тексте диссертации они именуется то речевыми, то языковыми – см. Выводы 3 и 6 по Главе 2) можно признать правомерным только при отнесении их к ситуативным клише; однако эти формулы используются в крайне широком спектре ситуаций, а их вербалика практически не подвергается модификациям; поэтому если рассматривать их в отношении к названным трем бесспорным актам И, то это формулы не речевые, а языковые. Другое дело – функциональная транспозиция; в этом отношении формулы целесообразно считать речезыковыми: языковыми по уже названным причинам неизменности формы, а речевыми – поскольку их отнесение к конкретной ситуации связано с экстралингвистическими условиями обретения разнообразных смыслов.

В подходе Ю.В. Туфановой [40] И рассматривается с позиций социального гомеостаза в ориентации на проявления личностных речепроизводных в интерактивной ситуации И. Предлагается решение данного вопроса в рамках когнитивной прагматики, в которой субъект рассматривается с поли-аспектной персонологической позиции как одновременно психологическая, социальная, гендерная и этнокультурная языковая личность. Рассматривается как кооперативный, так и конфликтивный аспекты поведения партнеров в ситуации И с попыткой выявления прототипической и непрототипических ракурсов этой ситуации. Прототипический подход к моделированию И принимается автором в ориентации на соответствующую позицию по эмоциям А. Вежбицкой [6] и на принцип гибкости когнитивной модели Т. А. ван Дейка [9]. Инвариантная модель тогда содержит пять компонентов – (а) минимум два коммуниканта, (б) ущерб, (в) цель общения, (г) коммуникативные условия общения, (д) манифестация коммуникативных интенций общающихся. Основополагающим для ситуации И является предшествующее событие (ущерб), которое может иметь как коммуникативную, так и некомуникативную природу. Степень ущерба задает, заметим, возможность как прототипической, так и непрототипической реакции – от кооперативности к некооперативности и далее до конфликта. Разграничиваются ретроспективный и проспективный конфликты. Такое разграничение, впрочем, не оригинально и восходит не только к теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [47], и к социологической концепции Е. Гофмана [49]. Модель И процессуальна, и предполагает алгоритм, который является конвенциональным и потому прототипичным.

Прототипическая (полносоставная) ситуация И полагается однородной, непрототипические обладают наличием других, не-ингерентных свойств. В диссертации описаны 11 вариантов непрототипических ситуаций И: (1) имплицитное выражение И; (2) имплицитная реакция адресата на И; (3) И за третье лицо; (4) И как средство привлечения внимания адресата; (5) И говорит о себе в общении; (6) И сигнализирует об окончании разговора; (7) не-принятие И адресатом; (8) обмен встречными

Ими; (9) адресат требует И; (10) невербальное выражение И эмитентом; (11) невербальная реакция на И адресатом. В авторской таксономии, однако нет единого критерия – их несколько: использование семиотического кода – варианты (1), (2); семиотический характер кода – (10), (11); фатика общения – (4), (5), (6); метакоммуникативность – (3); инициативность партнеров – (9); этикетность общения – (8); собственно не-кооперативность – (7).

Выявлены основные черты личности «человека извиняющегося» – кооперативность, мягкость, некатегоричность, эмоциональность, стремление к компромиссу, установка на позитивную тональность общения с собеседником, стремление продемонстрировать партнеру добрые намерения, скромность, сдержанность, правдолюбие, вежливость. Отдельно описаны средства невербальной манифестации И, к которым отнесены фонация, взгляд и мимика, жесты, молчание и которые могут употребляться как в сочетании с вербальными средствами, так и самостоятельно, что свидетельствует о полисемиотичности И.

Подход М. Шафаги [43] рассматривает И с позиций теории речевого этикета (по Н.И. Формановской [42]). Этикет считается обрамляющей конструкцией для ряда коммуникативных принципов, в частности, Принципа вежливости. На основе анализа понятий этикета и вежливости (по Дж. Личу) трактовка И в интервале абстракции «этикет И» позволяет разграничивать ситуации принесения И (И-вежливость, относительная) и признания себя виновным (собственно И).

И-вежливость употребляется в типовых ситуациях привлечения внимания или зачина. Превентивные И для актов просьбы, вопроса и совета считаются малоупотребимыми в русской культуре – но это утверждение, на наш взгляд, нуждается в статистическом подтверждении, тем более, что автор буквально в том же абзаце [43, с. 10] указывает на обратное. Это связано не в последнюю очередь с ситуациями социального – возрастного и статусного – само-ранжирования собеседников.

И может быть принесено не только за проступок как таковой, но и за нарушение различных аспектов продуктивного общения. Нарушение постулатов П. Грайса и Дж. Лича описано весьма тривиально. Рассмотрение И в связи с принципом вежливости позволяет автору установить лингвокультурные различия ситуаций И в русском и персидском языках. В первом акт И в большей мере связан с ситуациями признания вины (т.е. акцент делается на содержательный аспект И), а во втором – с проявлением вежливости к адресату (акцент на форме – относительной вежливости). В персидской культуре И более частотны и играют существенно более важную роль для репутации говорящего, чем в русской.

Рассмотренный подход не отличается теоретической новизной, но ценен прежде всего фактической проработкой коммуникативной ситуации И в межкультурном аспекте.

В диссертации С.С. Авакимян [1] акцент в описании И смещается с традиционного *homo loquens* на *homo audiens*, что требует применения особых исследовательских методик, особенно в условиях межкультурного общения, когда перцепция смысла представляет отдельную проблему. Акцент на «грамматике слушающего» (по Л.В. Щербе) связывается автором с восприятием как исходным моментом в когнитивной деятельности.

На восприятие И, по мнению С.С. Авакимян, влияют четыре уровня/слоя контекста: (1-2) два локальных – лингвистический и ситуационный – отвечают, соответственно, за лексико-грамматические, просодические, функционально-стилистические черты И и за особенности коммуникантов, их взаимоотношений, хронотопа и невербалики); (3-4) два более широких (лингвистический (интертекстуальность) и социокультурный – связаны с искренностью и уместностью И).

И вслед за М. Дойчманом подразделяются на четыре типа: (1) реальное (соотносится с искренностью); (2) конвенциональное (с вежливостью); (3) сочетание этих двух типов – в ликоугрожающих И, которые могут восприниматься как неискренние и невежливые одновременно, но первый параметр существенно менее значим, чем второй; (4) конвенциональные И с дополнительными функциями, где ущерб невелик, а И достигается смягчение просьбы или привлечение внимания.

По мнению автора, изменение принципиального контекста И кодированием на другом языке меняет восприятие прежде всего вежливости, но не искренности. Поэтому искренность и вежливость не считаются в диссертации взаимозависимыми параметрами; искренность И описывается в диссертации скалярно с выделением саркастических, вызывающих, обыденных и собственно искренних И.

При оценке искренности и вежливости И коммуниканты стремятся ориентироваться на определенные контекстные факторы (таксономическое разбиение наше. – М.В.): (а) в локально-лингвистическом контексте: (а-1 искренность) – на просодику, лексико-грамматические черты и пре-

и пост-извинительные высказывания; (а-2 вежливость) – на просодиду, лексико-грамматические черты И и иных реплик, на уровень формальности И; (б) в более широком лингвистическом контексте: (б-1 искренность) – на догадки о гипотетической ситуации для конкретного И; (б-2 вежливость) – уместность внеконтекстного И определялась при опоре на собственные знания о возможной ситуации, где может прозвучать данное И; (в) в локально-ситуативном контексте: (в-1 искренность) – на эмоции участников, взаимоотношения и невербалику; (в-2 вежливость) – на воссоздание ситуации с Им, надежды и взаимоотношения собеседников, их чувства и эмоции; (г) в более широком социокультурном контексте: (г-1 искренность) – на конкретную лингвокультуру; (г-2 вежливость) – на конкретную лингвокультуру, на связь вежливости с уровнем искренности, на уместность И в ситуации общения.

В концепции Н.А. Минаевой [22] излагается системно-прикладной аспект проблемы И как РЖ. Изучаются лексико-грамматические закономерности реализации И в речи детей младшего школьного возраста.

Для РЖ И устанавливается системообразующий концептный признак «вина», а ситуация И трактуется традиционно – с выделением виновника и пострадавшей стороны. Коммуникативный фактор прошлого (негативное действие) соединяется с коммуникативным фактором будущего (улучшение взаимоотношений партнеров) посредством соответствующей коммуникативной цели. Языковое воплощение РЖ И трактуется как с языковой, так и с когнитивной точки зрения, с акцентом, соответственно, на уровневую (рассматриваются лексический и грамматический стратумы) и на полевую организацию компонентов стратумов с выделением центра / ядра и периферии.

На основе проведенного качественно-количественного анализа устной и письменной речи детей младшего школьного возраста и сопоставления полученных данных с особенностями взрослой языковой картины мира обозначены параметры создания коллективного речевого портрета младших школьников. Данные, полученные в результате анализа индивидуальных сведений. Данный подход не изобилует теоретическими находками, однако весьма ценен с практической образовательной точки зрения; применение же элементов математической статистики обеспечивает научную достоверность полученным Н.А. Минаевой данным.

В подходе В.А. Литвиновой [19] рассматриваются лингвопрагматические, этнокультурные и языковые характеристики скрипта И. Постулируются идеи: о нормативности реальной коммуникации и о степени точности следования образцу; об условности стереотипного поведения (прагматической конвенциональности), восходящей, как представляется, к философско-этической идее общественного договора Руссо; о многоаспектном строении конвенциональности, предусматривающем ее ракурсы – (а) социогенетический (идея стереотипности восприятия мира и человека, на основе чего формируются представления, оценки и ценностные установки), (б) когнитивно-психологический (идея о привычности моделей мышления, о социально-значимых аспектах дискурсивно практики, о личном выборе типа поведения в соответствии или не в соответствии с социокультурными нормами и коммуникативными установками) (в) ценностный (соотнесение конвенциональности речевого поведения с представлениями о вежливости и этикете и о возможности выбора соответствующих стратегий) (г) дискурсивно-прагматический, который напрямую связан с ценностным и эксплицирует конвенциональность как проявление возможности выбора стратегий учтивости и вежливости в соответствии с нормативными ожиданиями партнера и общества в целом.

Делается предположение, что манифестация И подчинена адаптивно-нечеткому алгоритму речевого поведения с возможностью фатических коррекций межличностных отношений при наличии угрозы социальному этикету, нравственности и морали. И расценивается как форма фатического общения с его примарностью обеспечения безразрывности общения и связывается с социальным имиджем личности, а также с ее эмоциональной сферой.

Будучи социально-значимым, И связывается с инструментарием средств восстановления социального имиджа виновного в проступке. Проступок оценивается через саморефлексию, но мотивом И, который также может рефлексироваться, считается не собственно проступок, его социальная оценка – в плане ответственности виновного как обладателя социального имиджа ‘человека воспитанного’, что в свою очередь и предполагает принесение И (которое должно быть соответствующим образом оценено социально).

Любопытна трактовка автором сценарности И. Оно понимается не только как структурный скрипт, но и как потенциально вариативный феномен, связанный с принципом стратегичности. По-

следний, в свою очередь, основан на более общем принципе ассимиляции, который у В.А. Литвиновой именуется адаптивностью. Адаптивность к конкретно-контекстным условиям, к личностным предпочтениям эмитента И, к социально-статусной стратификационной специфике норм, которые могут варьироваться, является предпосылкой вариативности последовательности коммуникативных шагов, которые направлены на урегулирование межличностных отношений.

Социальная обусловленность актуализации И связана с оценкой партнером (и третьими лицами) поведенческих производных виновного, допустившего отклонения от социальных стандартов. Сценарий этикетного И активируется в случае отступления от норм вежливости, что связано с нормой личной автономии человека. Сценарий метакоммуникативного И используется при нарушении конвенций кооперации в общении (по максимам П. Грайса) и правил этикета (к ним автор относит внимание, терпеливость, такт, скромность, одобрение, согласие, нормы паралингвистической организации речи); с помощью этого типа сценария эксплицируются нарушения норм речевого поведения, не сопровождающихся эмоциональным дискомфортом для говорящего, а лишь сигнализирующих о знании им конвенций сотрудничества и вежливости. Сценарий этического И реализуется в случае нарушений морально-нравственного плана; при этом сценарии активизируются чувства и эмоции, сигнализирующие о личных переживаниях, сожалении о допущенном проступке и о раскаянии; здесь степень эмоциональности обычно прямо пропорциональна степени нанесенного морально-нравственного урона.

В типичный набор речевых действий при И включены акты: (а) признания вины и собственно принесения И (у В.А. Литвиновой они соединены в один, точнее, принесение И трактуется как признание вины, что представляется ошибочным); (б) описания сожаления о проступке; (в) раскаяния; (г) эксплицитной негативной самооценки; (д) объяснения мотива / причины проступка; (е) описания чувств и эмоций; (ж) просьбы о прощении. И рассматривается, с одной стороны, как самодостаточный ход (когда типовая ситуация не требует реакции адресата) и как компонент коммуникативного хода (когда предполагается реакция адресата).

Данный подход ценен новизной трактовки моделирования алгоритма речевого поведения, подробной характеристикой сценариев И и их мотивов; исследование отличается проработанностью и теоретической глубиной; вместе с тем, некоторые важные позиции нельзя признать оригинальными – например, метакоммуникативные И, по сути, повторяют трактовку таковых у Р. Ратмайр [30].

Таким образом, в числе лингвистических подходов к И в последнее 20-летие были проанализированы концепции: респонсивного речезыкового / дискурсивного моделирования (С.В. Сквородина); лингвокультурной этикетной реализации (С. Ли); речезанрового моделирования (Е.В. Артамонова); модельной речеактовой репрезентации (Е.А. Плетнева); интерактивного моделирования (Ю.В. Туфанова); речезыкетной реализации (М. Шафаги); контекстного восприятия (С.С. Авакмян); социально-типологической реализации (Н.А. Минаева); комплексного алгоритмового моделирования (В.А. Литвинова). Все названные подходы опираются (с разной степенью эксплицитности) на социо-интеракционистские микропарадигмы современной прагматики (П. Грайс, Дж. Лич, Р. Ратмайр), стоя во главу угла неодинаковые ракурсы этих микропарадигм. Однако именно эта разница позволяет усмотреть не только полученные достижения, но и возможные исследовательские перспективы изучения извинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакмян С.С. Влияние контекстуальных факторов на восприятие прагматики извинения в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Нижневартовск: Нижневартровский гос. гум. ун-т, 2011. 235 с.
2. Аверкиева М.С. Семантическое и концептуальное пространства русского этикета: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2009. 223 с.
3. Артамонова Е.В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008, 191 с.
4. Васильев Л.Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы / Монография. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2106. 152 с.
5. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте: фреймы фрагмента входа в общение: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.05. Н.Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т, 2008. 177 с.
6. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

7. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре: дис. ... докт. филол. наук / 10.02.04. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2011. 395 с.
8. Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2003. 161 с.
9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
10. Демченко Е.В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Южный федеральный ун-т, 2007. 168 с.
11. Доброва Т.Е. Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: С-Петербургск. гос. ун-т, 2004. 183 с.
12. Иванова Д.В. Речевые способы преодоления конфликта: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2010. 182 с.
13. Иванова Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальности диалогических единиц: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.21. М.: Московский гос. ун-т, 1999. 169 с.
14. Ивановский Д.Ю. Сопоставительное описание глагольных средств выражения извинения в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 1999. 177 с.
15. Имас А.В. Выражение благодарности в немецком языке: на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 172 с.
16. Кульнина Е.А. Способы вербализации контактоустанавливающей функции в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2002. 193 с.
17. Ли С. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских: с точки зрения носителя китайского языка и культуры: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2006. 164 с.
18. Лисенко М.В. Место стратегий извинения в гармонизации межличностных отношений: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1999. 214 с.
19. Литвинова В.А. Лингвопрагматическая специфика сценарности извинения в английской коммуникативной культуре: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. 210 с.
20. Лопатина Ю.Д. Метадиалоговый дискурс: описание феномена, структуры и функции: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. М.: Военный ун-т, 2003. 209 с.
21. Лунева В.В. Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Южный федеральный ун-т, 2011. 171 с.
22. Минаева Н.А. Речевой жанр извинения в речи детей младшего школьного возраста: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 2012. 242 с.
23. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2005. 197 с.
24. Науменко М.Г. Трилог как структурно-семантическое и коммуникативное единство: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Пед. ин-т Южного федерального ун-та, 2012. 182 с.
25. Нуриева Г.Р. Этикетные рече-поведенческие тактики в переводах русских художественных текстов XX века на английский и татарский языки: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Казань: Приволжский федеральный ун-т, 2012. 174 с.
26. Плетнева Е.А. Коммуникативно-прагматический диапазон формул извинения в британской языковой культуре: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. 264 с.
27. Плотников В.В. Координационная природа речевых актов: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. М.: Военный ун-т, 1999. 151 с.
28. Погорелова И.В. Функционально-семантические свойства адверзивных реплик в диалоге: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 191 с.
29. Постоев И.А. Ситуация несогласия/отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 2001. 185 с.
30. Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2003. 272 с.
31. Реукова Н.В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. М.: Моск. гос. ун-т, 2005. 183 с.
32. Сальникова О.Е. Комбинированные речевые акты в англоязычном дискурсе: функционально-семантический и лингвокультурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. 373 с.
33. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. – Тамбов: Тамбовский гос. тех. ун-т, 2011. 207 с.
34. Сеницына А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2005. 223 с.

35. Сковородина С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе: концепты «благодарность» и «извинение»: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2004. 219 с.
36. Стрибижев В.В. Речевые клише в английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Тула: Тульский гос. пед. ун-т, 2005. 191 с.
37. Тельминов Г.Н. Коммуникативные тактики вежливости в американской и российской Интернет-рекламе: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 302 с.
38. Топка Л.В. Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2000. 168 с.
39. Трофимова Н.А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук / 10.02.04. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2009. 420 с.
40. Туфанова Ю.В. Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход / дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2010. 205 с.
41. Фёдорова Т.В. Семантика вежливости и средства ее выражения в современном русском языке: на материале произведений современной драматургии: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Брянск: Брянский гос. ун-т, 199 с.
42. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
43. Шафаги М. Извинение в русском речевом поведении: с позиции носителя персидского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2011. 216 с.
44. Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб: С-Петербургский гос. ун-т, 1998. 220 с.
45. Щербинина И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. 167 с.
46. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 88-98.
47. Brown P., Levinson S. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. xiv, 350 p.
48. Dascal M. Pragmatics and the Philosophy of Mind. Vol.1. Thought in language. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983. 207 p.
49. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N.Y.: Basic Books, 1971. xvii, 396 p.
50. Leech J. Principles of Pragmatics. London etc.: Longman, 1983. xii, 250 p.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Васильева Мария Львовна, преподаватель
АНОО «Калужская международная школа»
248001, Россия, г. Калуга, ул. Луначарского, 16
E-mail: vml1412@mail.ru

M.L. Vasilyeva

ON PARAMETRES OF THE APOLOGY DISCOURSE DESCRIPTION

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1037-1048

The article concerns the problem of the constitutive features of the communicative situation of apology. The author discusses methodological and linguistic characteristics of inter-personal and public apology described in modern Russian monographs. Critical analysis is given to rationalization of apology in these principal approaches: responsive discourse modeling; speech genre modeling; interactive modeling; complex algorithmic modeling; model speech act representation; contextual perception; linguo-cultural discursive-etiquette manifestation; socio-typological manifestation.

Keywords: politeness, discourse, apology, interactivity, communicative situation, culture, modeling, speech acts, pragmatics, etiquette.

REFERENCES

1. Avakimyan S.S. Vliyanie kontekstual'nykh faktorov na vospriyatie pragmatiki izvineniya v anglijskom i russkom yazykakh [The Influence of the Contextual Factors on Perception of the Pragmatics of Apology in English and in Russian]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.20. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gos. gum. un-t, 2011. 235 s. (In Russian).
2. Averkieva M.S. Semanticheskoe i kontseptual'noe prostranstvo russkogo etiketa: dis ... kand. filol. nauk [Semantic and Conceptual Domains of Russian Etiquette] / 10.02.19. Ekaterinburg: Ural'skij gos. un-t, 2009. 223 s. (In Russian).

3. Artamonova E.V. Zhanry russkoj rechi: ispoved', pros'ba o proshhenii, prinesenie izvineniya [Genres of the Russian Speech]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. Kazan': Kazanskij gos. un-t, 2008, 191 s. (In Russian).
4. Vasil'ev L.G. Problema rechevogo vozdejstviya: otechestvennye i zarubezhnye podkhody [The Problem of Speech Influence: Home and Foreign Approaches] / Monografiya. Kaluga: Kaluzhskij gos. un-t, 2106. 152 s. (In Russian).
5. Vlasova A.V. Rechevye klishe frantsuzskoj razgovornoj rechi v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: frejmy fragmenta vkhoda v obshhenie: dis ... kand. filol. nauk [Speech Cliches of the French Conversational Speech in the Communicative-Pragmatic Aspect: Frames of the Fragment of Log In to Chat] / 10.02.05. N. Novgorod: Nizhegorodskij gos. lingv. un-t, 2008. 177 s. (In Russian).
6. Vezhbitska A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. M.: Russkie slovari, 1996. 416 s. (In Russian).
7. Gazizov R.A. Kommunikativnaya kategoriya vzhlivosti v nemetskoj lingvokul'ture [The Communicative Category of Politeness in German Linguoculture]: dis ... dokt. filol. nauk / 10.02.04. Ufa: Bashkirskij gos. un-t, 2011. 395 s. (In Russian).
8. Davydova T.A. Rechevoj akt upreka v anglijskom yazyke [The Reproach Speech Act in English]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Irkutsk: Irkutskij gos. lingv. un-t, 2003. 161 s. (In Russian).
9. Dejk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. M.: Progress, 1989. 308 s. (In Russian).
10. Demchenko E.V. Semantiko-sintaksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii vzhlivosti v anglijskom i ruskom yazykakh: dis ... kand. filol. nauk [Semantic-Syntactic Tools of Verbalizing the Category of Politeness] / 10.02.19. Rostov-n/D: Yuzhnyj federal'nyj un-t, 2007. – 168 s. (In Russian).
11. Dobrova T.E. Slitnye rechevye akty pri realizatsii razlichnykh ustanovok govoryashhego v anglijskoj dialogicheskoj rechi [Conjoint Speech Acts in the Implementation of Various Speaker's Attitudes in English Dialogical Speech]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. SPb: S-Peterburgsk. gos. un-t, 2004. 183 s. (In Russian).
12. Ivanova D.V. Rechevye sposoby preodoleniya konflikta: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov [Speech Means of Conflict Resolution: Based on the Material of Russian and English]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. Saratov: Saratovskij gos. un-t, 2010. 182 s. (In Russian)
13. Ivanova E.A. Leksicheskie pogranichnye markery minimal'nosti dialogicheskikh edinit [Lexical Border Markers of the Minimality of Dialogical Units]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.21. M.: Moskovskij gos. un-t, 1999. 169 s. (In Russian).
14. Ivanovskij D.Yu. Sopostavitel'noe opisanie glagol'nykh sredstv vyrazheniya izvineniya v anglijskom i ruskom yazykakh [Comparative Description of the Verbal Means of Expressing Politeness in English and in Russian] : dis ... kand. filol. nauk / 10.02.20. – Pyatigorsk: Pyatigorskij gos. lingv. un-t, 1999. 177 s. (In Russian).
15. Imas A.V. Vyrazhenie blagodarnosti v nemetskom yazyke: na materiale literaturnykh i leksikograficheskikh istochnikov s XVII po XX vv. [Expression of Gratitude in German: Based on Literary and Lexicographic Sources from the 17th to the 20th centuries]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Tver': Tverskoj gos. un-t, 2001. 172 s. (In Russian).
16. Kul'nina E.A. Sposoby verbalizatsii kontaktoustanavlivayushhej funktsii v sovremennom nemetskom yazyke [Ways of Verbalization of Contact-Establishing Function in Modern German]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Saransk: Mordovskij gos. un-t, 2002. 193 s. (In Russian).
17. Li S. Kontsepty «blagodarnost'» i «izvinienie» v yazykovoj kartine mira russkikh: s tochki zreniya nositelya kitajskogo yazyka i kul'tury [The Concepts of "Gratitude" and "Apology" in the Language Picture of the Russian World: From the Point of View of a Native Chinese Speaker and His Culture]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. M.: Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2006. – 164 s. (In Russian).
18. Lisenko M.V. Mesto strategij izvineniya v garmonizatsii mezhlichnostnykh otnoshenij: na materiale anglijskogo yazyka [The Place of Apology Strategies in the Harmonization of Interpersonal Relations: Based on the Material of the English Language]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. SPb: Rossijskij gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena, 1999. 214 s. (In Russian).
19. Litvinova V.A. Lingvopragmaticheskaya spetsifika stsenarnosti izvineniya v anglijskoj kommunikativnoj kul'ture [Linguopragmatic Specificity of Scenario Apologies in English Communicative Culture]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Volgograd: Vologogradskij gos. un-t, 2015. – 210- s. (In Russian).
20. Lopatina Yu.D. Metadialogovyy diskurs: opisanie fenomena, struktury i funktsii [Meta-Dialogical Discourse: Description of the Phenomenon, Its Structure, and Function]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. M.: Voennyj un-t, 2003. 209 s. (In Russian).
21. Luneva V.V. Rechevoj ehtiket kak gipersemioticheskoe obrazovanie: lingvopragmaticheskij aspekt [Speech Etiquette as a Hypersemiotic Phenomenon: The Linguopragmatic Aspect]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. Rostov-n/D: Yuzhnyj federal'nyj un-t, 2011. 171 s. (In Russian).
22. Minaeva N.A. Rechevoj zhanr izvineniya v rechi detej mladshego shkol'nogo vozrasta [The Speech Genre of Apology in the Verbal Activity of Junior Schoolchildren]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. Taganrog: Taganrogskij gos. ped. in-t, 2012. 242 s. (In Russian).

23. Mosejko A.A. Etiketnye modeli povedeniya v britanskoj i russkoj lingvokul'turakh [Etiquette Models of Behaviour in British and Russian Linguistic Cultures]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.20. Volgograd: Volgogradskij gos. ped. un-t, 2005. 197 s. (In Russian).
24. Naumenko M.G. Trilog kak strukturno-semanticheskoe i kommunikativnoe edinstvo: na materiale anglijskogo i russkogo yazykov [Trilogy as a Structural-Semantic and Communicative Unity: Based on the Material of the English and Russian languages]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. – Rostov-n/D: Ped. in-t Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 2012. – 182 s. (In Russian).
25. Nurieva G.R. Ehtiketnye reche-povedencheskie taktiki v perevodakh russkikh khudozhestvennykh tekstov XX veka na anglijskij i tatarskij yazyki [Etiquette Speech and Behavioral Tactics in Translations of Russian Literary Texts of the XX Century into the English and Tatar languages]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. Kazan': Privolzhskij federal'nyj un-t, 2012. 174 s. (In Russian).
26. Pletneva E.A. Kommunikativno-pragmaticheskij diapazon formul izvinieniya v britanskoj yazykovoj kul'ture [The Communicative and Pragmatic Range of Apology Formulas in the British Language Culture]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2009. 264 s. (In Russian).
27. Plotnikov V.V. Koordinatsionnaya priroda rechevykh aktov [The Coordinate Nature of Speech Acts]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. M.: Voennyj un-t, 1999. 151 s. (In Russian).
28. Pogorelova I.V. Funktsional'no-semanticheskie svoystva adverzivnykh replik v dialoge: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov [Functional and Semantic Properties of Adversive Replicas in a Dialog: Based on the Russian and English Languages]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. Tver': Tverskoj gos. un-t, 1998. 191 s. (In Russian).
29. Postoenko I.A. Situatsiya nesoglasiya/otkaza v dinamike anglijskoj rechi [The Situation of Disagreement/Refusal in the Dynamics of English Speech]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Khabarovsk: Khabarovskij gos. ped. un-t, 2001. 185 s. (In Russian).
30. Ratmajr R. Pragmatika izvinieniya. Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoj kul'tury [The Pragmatics of Apology. A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003. 272 s. (In Russian).
31. Reukova N.V. Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya vezhlivosti v sovremenном nemetskom yazyke [Lexical and Grammatical Means of Expressing Politeness in Modern German]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. M.: Mosk. gos. un-t, 2005. 183 s. (In Russian).
32. Sal'nikova O.E. Kombinirovannye rechevye akty v angloyazychnom diskurse: funktsional'no-semanticheskij i lingvokul'turnyj aspekty [Combined Speech Acts in the English-Language Discourse: Functional-Semantic and Linguocultural Aspects]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. 373 s. (In Russian).
33. Simonova S.O. Kommunikativno-kognitivnye osobennosti vyrazheniya kosvennykh i implitsitnykh rechevykh aktov otkaza v dialogicheskom diskurse [Communicative and Cognitive Features of the Expression of Indirect and Implicit Speech Acts of Refusal in Dialogic Discourse]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. Tambov: Tambovskij gos. tekhn. un-t, 2011. 207 s. (In Russian).
34. Sinitsyna A.N. Metakommunikativnye edinity i ikh rol' v organizatsii i regulyatsii angloyazychnogo dialogicheskogo obshheniya [Metacommunicative Units and Their Role in the Organization and Regulation of English-Language Dialogical Communication]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. SPb: Rossijskij gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena, 2005. 223 s. (In Russian).
35. Skovorodina S.V. Pragmatika reaktivnykh rechevykh aktov v nemetskom dialogicheskom diskurse: kontsepty «blagodarnost'» i «izvinienie» [Pragmatics of Reactive Speech Acts in the German Dialogic Discourse: The Concepts of "Gratitude" and "Apology"]]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. – SPb.: Rossijskij gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena, 2004. 219 s. (In Russian).
36. Stribizhev V.V. Rechevye klishe v anglijskom yazyke: metakommunikativnaya funktsiya [Speech Cliches in the English Language: Metacommunicative Function]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Tula: Tul'skij gos. ped. un-t, 2005. 191 s. (In Russian).
37. Tel'minov G.N. Kommunikativnye taktiki vezhlivosti v amerikanskoj i rossijskoj Internet-reklame [The Communicative Tactics of Politeness in Russian and American Internet Advertisement]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.20. Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2013. 302 s. (In Russian).
38. Topka L.V. Pragma-semanticheskaya kategoriya nekategorichnosti v sovremenном anglijskom yazyke [The Pragma-Semantic Category of Non-Categoricity in Modern English]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. Irkutsk: Irkutskij gos. lingv. un-t, 2000. 168 s. (In Russian).
39. Trofimova N.A. Aktualizatsiya komponentov smysla vyskazyvaniya v ehkspressivnykh rechevykh aktakh (na materiale sovremenного nemetskogo yazyka) [Actualization of the Components of Utterance Meaning in Expressive Speech Acts (Based on the Material of Modern German)]: dis ... dokt. filol. nauk / 10.02.04. SPb.: Rossijskij gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena, 2009. – 420 s. (In Russian).
40. Tufanova Yu.V. Kommunikativnaya situatsiya izvinieniya: kognitivno-pragmaticheskij podkhod [The Communicative Situation of Politeness: A Cognitive-Pragmatic Approach] / dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. Irkutsk: Irkutskij gos. lingv. un-t, 2010. 205 s. (In Russian).

41. Fyodorova T.V. Semantika vezhlivosti i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: na materiale proizvedenij sovremennoj dramaturgii [Semantics of Politeness and Means of its Verbalizaion in Modern Russian: Based on Texts of Modern Drama]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. Bryansk: Bryanskij gos. un-t. 199 s. (In Russian).
42. Formanovskaya N.I. Russkij rechevoj ehtiket: normativnyj sotsiokul'turnyj kontekst [Russian Speech Etiquette: The Normative Socio-Cultural Context]. – M.: Russkij yazyk, 2002. – 160 s. (In Russian).
43. Shafagi M. Izvinenie v russkom rechevom povedenii: s pozitsii nositelya persidskogo yazyka [Apology in Russian Speech Behavior: From the Perspective of a Native Persian Speaker]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.01. – M.: Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2011. – 216 s. (In Russian).
44. Shilova S.V. Soblyudenie i narushenie printsipov rechevogo obshheniya v delovoj kommunikatsii: na materiale anglijskogo yazyka [Compliance with and Violation of the Principles of Speech Interaction in Business Communication: Based on the Material of the English language]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.04. – SPb: S-Peterburgskij gos. un-t, 1998. – 220 s. (In Russian)
45. Shcherbinina I.V. Kommunikativnaya sushhnost' obrashhenij kak sredstva obshheniya v yazykoznanii [The Communicative Essence of Appeals as a Means of Communication in Linguistics]: dis ... kand. filol. nauk / 10.02.19. – Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2007. – 167 s. (In Russian).
46. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra [A Model of the Speech Genre] // Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 1997. S. 88-98. (In Russian).
47. Brown P., Levinson S. Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. xiv, 350 p. (In English).
48. Dascal M. Pragmatics and the Philosophy of Mind. Vol.1. Thought in language. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983. – 207 p. (In English).
49. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N.Y.: Basic Books, 1971. xvii, 396 p. (In English).
50. Leech J. Principles of Pragmatics. London etc.: Longman, 1983. xii, 250 p. (In English).

Received 25.03.2020

Vasilyeva M.L., teacher
Kaluga International School
Lunacharskogo st., 16, Kaluga, Russia, 248001
E-mail: vml1412@mail.ru